

ЖАНРОВАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Статья является актуальным для современного белорусского литературоведения исследованием жанровых форм поэзии. В ней показана связь современной русскоязычной поэзии Беларуси с белорусской и русской поэтическими традициями, что сказывается и на жанровой природе произведений. Доказывается, что большинство поэтических текстов составляют традиционные поэтические жанры, созданные в русле философско-медитативной лирики, но встречаются и экспериментальные стихи, и поэтические произведения, жанр которых не поддается традиционной классификации.

Введение

Определение жанровой природы того или иного поэтического текста в современной литературе – занятие весьма трудное. Жанровая пестрота и размытость границ дополняет картину общего эстетического разброса в литературе рубежа XX – XXI вв. Обилие и разнообразие художественных тенденций, творческих методов, усиление взаимодействия между элементами жанровой системы, попытки обрести свой индивидуальный поэтический голос – таковы особенности многозначной реальности переходного периода. В настоящее время вопрос о жанровой природе какого-либо произведения вызывает многочисленные дискуссии, поскольку строгой классификации нет, и даже в словарях даются разные толкования одного и того же понятия.

Если во времена классицизма любое поэтическое произведение вписывалось в рамки определенного жанра и вне таковых просто не воспринималось, то уже в начале XIX в. большая часть этих жанров расплывается в более общем понятии “лирическое стихотворение”. Хотя некоторые из них (послание, баллада) еще долго сохраняют свое своеобразие, а другие (ода, элегия) время от времени напоминают о себе.

Основная часть

Сегодня и в русском, и в белорусском литературоведении выделение в поэзии жанров, видов и жанровых разновидностей достаточно условно. Например, Б.В. Томашевский считает, что “в настоящее время не существует строгих разделений между разными родами стихотворений” [1, с. 153], и выделяет основные классические лирические роды – *ода, элегия, мелкие стихотворения (надписи, антологические стихотворения, альбомные стихи, посвящения и т.п.), послание, сатира*; а также среди эпических (повествовательных) жанров – песенные формы (*песнь, поэма*) и малые формы стихотворного повествования (*басня, баллада*).

Белорусский литературовед В.П. Рагойша также считает разделение лирики на жанры и виды достаточно условным и среди лирических произведений выделяет философско-медитативные стихотворения (*медитация, послание, стансы, ямбы, философское стихотворение, элегия*), хвалебные (*ода, дифирамб, панегирик, аполог, мадригал, гимн, эпитафия, эпиталама*), песенные (*романс, песня, серенада, марш, псалом, кантата, альба, баркарола, канцона*), сатирически-изобличительные (*эпиграмма, пародия, сатира*), а также некоторые фольклорные произведения [2, с. 299]. Действительно, многие из этих жанров исчезли или крайне редко встречаются в современной лирике.

Современная русскоязычная поэзия Беларуси полифонична и многожанрова. Она развивается в русле двух поэтических традиций – белорусской и российской, – что, естественно, сказывается и на ее жанровой природе. С одной стороны, большинство поэтических текстов составляют традиционные поэтические жанры (*стихотворения, поэмы, сонеты, элегии и др.*), с другой – встречаются и экспериментальные стихи (*акрости-*

хи, палиндромы, фигурные стихи и т.д.), и поэтические произведения, жанр которых не поддается традиционной классификации.

В целом современная поэзия Беларуси представляет собой пеструю картину: это поэты разного возраста и, соответственно, мироощущения; пишущие на белорусском или русском языках, или на обоих сразу. Это поэты, которые издали уже не один сборник, и те, чьи стихи можно прочесть только в сетевых журналах или представленные единственным стихотворением в антологиях и альманахах. На сегодняшний день не существует и библиографического справочника современных поэтов, что вносит дополнительные трудности при составлении полной картины русскоязычной поэзии Беларуси.

Предметом нашего рассмотрения стали тексты современных русскоязычных поэтов Беларуси, размещенные, главным образом, в антологиях *“Современная русская поэзия Беларуси”* (сост. А. Аврутин, 2003) [3] и *“Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России”* (сост. Д. Кузьмин, 2004) [4]; а также стихотворения в журналах *“Немига литературная”*. Антология А. Аврутина представляет собой первую в отечественной литературе попытку максимально широко представить творчество современных русских поэтов Беларуси за два предшествующих десятилетия. В книгу включены стихи 222 “наиболее ярко зарекомендовавших себя авторов”, по мнению составителя, антологии. Недостатком данного издания является отсутствие сведений об авторах, а также небольшое количество произведений одного поэта (иногда одно стихотворение), по которым трудно определить специфику его творческой манеры, тем более говорить о жанровом разнообразии.

Во второй антологии современную (после 1991 года) русскую поэзию Белоруссии представляют лишь девять поэтов: Светлана Бень, Вениамин Блаженный, Дмитрий Дмитриев, Елена Казанцева, Марина Куновская, Константин Михеев, Дина Сенникова, Дмитрий Строчев, Виталий Суриков. Правда, Д. Кузьмин показал того или иного автора набором текстов (5–10 произведений, а Вениамин Блаженный даже 29), “не слишком для него характерных, но зато ярких и неожиданных, или в каком-то важном и интересном ракурсе трактующих саму тему диаспоры и поэта в ней” [4, с. 11-12]. Также в антологии содержатся краткие сведения об авторах, их публикациях, поэтических сборниках.

Жанровое разнообразие в творчестве того или иного поэта чаще всего зависит от желания поэкспериментировать в сфере различных жанровых форм, а также от личных авторских пристрастий к какому-либо жанру. Существенным моментом является и тот факт, что иногда жанровые определения самих поэтов своих произведений отличаются от реально существующих в литературоведении понятий.

Но полностью стереть жанровые границы, как оказалось, невозможно. Даже сейчас, когда никакие ранее выработанные стихотворные правила поэту не указ, некоторые авторы легко вычлняются из общего

потока лирики – как по условным признакам, так и по природе самого поэтического высказывания.

Большинство стихотворений современные русскоязычные поэты Беларуси создают, если следовать классификации В.П. Рагойши, в традиционном, можно сказать классическом для белорусской литературы, русле философско-медитативной лирики. То есть это философская поэзия, суть которой составляют размышления поэтов о жизни и смерти (“Мы пришли и уйдем...”, “Все умирает – тело и сосна...” и др. А. Аврутина, “Каддиш Алену Гинзбергу”, “Январские стансы” К. Михеева, “Отец мне смастерил не саночки, а гроб...” В. Блаженного, “По тонкому, тонкому льду...” А. Душечкина-Климова, “Мне все, чем дорожил я, надоело...” А. Сарапкина и др.), о любви (“Предаст любимый...” А. Аврутина, “Я тебя люблю по-настоящему” Е. Казанцевой, “Я мерзну без тебя...” О. Журавской, “Души окурков...” О. Переверзевой, “Пока еще горит судьбы свеча...” В. Поликаниной), о природе и человеке (“Если нет на земле небожителю места...”, Вениамина Блаженного, “Genius Loci” М. Куновской, “Ночная тишина” Ю. Сапожкова, “Белый вечер...” Л. Яценко, “Нет ничего... Только лунные дужки...” А. Аврутина и др.).

Для стихотворений, относящихся к медитативной лирике, характерна поэтизация душевной сосредоточенности, размышления над загадочностью человеческой души. Они строятся как “непосредственные созерцания, индивидуализированные “умозрения”, направленные к постижению сокровенных закономерностей бытия” [5, с. 520]. И хотя большинство стихотворений современных русскоязычных поэтов можно отнести к этой жанрово-тематической разновидности поэзии, как таковые характерные для нее жанры *элегии*, *оды*, *послания* мы наблюдаем достаточно редко. В XX в. *элегия* теряет жанровую отчетливость и термин выходит из употребления, оставаясь лишь знаком традиции, и употребляется как заглавие циклов и отдельных стихотворений некоторых поэтов [5, с. 1228]. Однако элегическое начало характерно для многих стихотворений таких современных поэтов, как А. Сарапкин, А. Аврутин, В. Поликанина и др. Живучесть этого жанра в современной поэзии Беларуси не удивительна, поскольку “элегия” в переводе с греческого означает “жалобная песня”, а истоки белорусской литературной элегии – в народной песне, для которой также характерны грусть, тоска, “меланхолия из-за общественной несправедливости, семейного несчастья или личного горя” [2, с. 382].

Основные черты элегии – интимность, сентиментальность, мотивы разочарования, несчастливой любви, одиночества, бренности земного бытия – присущи стихотворениям Е. Агиной (“Ох, какая тоска здесь бывает...”, “Путь”), К. Михеева (“Осень в провинции”, цикл стихотворений “Паралипоменон”), А. Сарапкина (“Мне все, чем дорожил я, надоело...”, “Гораздо больше близких там, чем здесь...”), А. Аврутина (“В двадцатом столетии...”, “Что истинно?.. Бездомные глаза...”, “Когда, поняв, что чувства первопуток...”, “Мы пришли и уйдем...”, “Дух

сомнения...” и др.). Например, в стихотворении А. Аврутина звучат есенинские мотивы бренности человеческого существования:

*...Но все проходит. Счастье и печаль
Вдаль уплывают белой струйкой дыма.
Лишь одного воистину мне жаль –
Что мчат года и все проходит мимо*[6].

Однако в современной поэзии к традиционным элегическим темам добавляются размышления о неотвратимости зла, черствости людских душ, о тяготах бытовой неустроенности и суровой повседневности, а также о духовном кризисе человека в переходную эпоху рубежа веков (и даже тысячелетий). В этой ситуации многие поэты делятся своими размышлениями и сомнениями чаще всего с собратьями по перу, продолжая таким образом традицию идущего от Горация жанра *послания*. Являясь “стихотворным письмом” [5, с. 763], или, по определению В.П. Рагойши, “эпистолярно-публицистическим стихотворением, написанным в форме обращения к какой-то реально существующей личности” [2, с. 351], *послание* становится удобной формой для размышлений автора о социально-политических, исторических или литературоведческих проблемах. К *посланию* близок жанр *посвящения* – указание лица, которому предназначается или в честь которого написано данное произведение. Многие *посвящения* приобретают интимный характер, становятся выражением искренней дружбы и привязанности. И в *послании*, и в *посвящении* для автора важен адресат произведения. В современной русскоязычной поэзии эти жанры животворны (“Сомолчальник, сопечальник...”, “Автодоровский переулочок”, “И однажды услышится шепот травы...”, “Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...” А. Аврутина, “Когда б не ты” Т. Красновой-Гусаченко, “Я пишу тебе письма на родину...” Т. Лейко, “С мутного глянца фото...” А. Лисицына, “Александр Сергеевич Пушкин...”, “Осеннею веткой раскинулись рельсы...” И. Поглазова, “Ничего бы не случилось с нами...” Е. Полес, “Путник” Э. Прибыльской, “Наталье Гончаровой”, “Тадж-Махал” Ю. Сапожкова, “Я как огонь вошел...”, “Давай собирать слова и строить дом...”, “Давай себя развеселим...” Д. Строцева, “Посвящение переводчику” А. Скоринкина), *посвящения* А. Аврутина (“По тонкому, тонкому льду...” А. Душечкина-Климова, “Я больше не могу молчать...” А. Павловской, “Не так уж много для счастья нужно...” В. Поликаниной). В *послании* поэт может обращаться не только к человеку, но и к какому-либо месту, городу, предмету и т.п. (“Санкт-Петербургу” А. Аврутин, “Беловежской пуще” Л. Лукша, “Осени меня, осень...” Н. Кислик).

Но чаще всего адресатом послания становится Бог, который является для поэтов не неким судящим и карающим небожителем, а близким родственником, старшим наставником, мудрым, понимающим, оберегающим и сочувствующим. Может быть поэтому так хочется спрятаться за Бога, довериться тому, кто должен все знать, инстинктивно найти попутчика, с которым не так страшно идти, потому что одиночество –

слишком непосильная ноша, чтобы нести ее одному. И поэтому Бог изначально присутствует во всем. Послание, обращенное к Богу, традиционно называется *молитва*, и мы можем говорить о живучести этого жанра в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Лирическая героиня “Молитвы” Н. Орловой молится “за дорогих своих детей”, Т. Лебедевой – просит у Бога: “*не дай советсь потерять*”, “*не дай казаться, но не быть*”, а также прощения за всех и за все: “*Прости Господь / Всех и за все, прости, / Открой Господь / Всем ищущим пути*”.

А. Душечкин-Климов обращается к Богу в своей «Молитве» с просьбой о помощи: “*помоги ночь пережить..., помоги боль пережить..., помоги жизнь пережить...*”. Подобная просьба звучит и в “Молитве” И. Бисева: “*Дай мне силы, Господь, / и своєю укрой плащаницей...*”. А. Аврутин в своей “Молитве” просит охранить его “*от жизни по чьим-то часам, от фальшивых молитв..., от носящих змею вместо сердца под черной сутаной, от искуса и нищеты...*”. Ему вторят Н. Наместников: “*Незнание – особая свобода – / дай, Господи, / чтоб обошла меня... / Дай небо отличить от небосвода, / а Судный день – / от прожитого дня...*” и Г. Трестман: “*Упаси меня, Боже, / от смеха средь гибельных мест, / Я – Иакова семя – отвещал его чечевицы. / Так избавь воспринять / от соблазна спасительный крест... / Упаси меня, Боже / от страшных пророчеств Твоих, / дай мне силы остаться превыше / и проще пророчеств*”.

А для лирического героя поэта Вениамина Блаженного – изгоя, странника, скитальца духа – вообще характерно общение с Богом как с другом, старым знакомым: “*Я трогаю Бога за древние пейсы, / Как трогает бороду лапкой котенок*”, или:

*Ну что ты за человек, Господи,
Если с тобой ни о чем нельзя договориться?..
Начнешь говорить с тобой стихами,
А ты отвечаешь подзаборным матом.*

В. Блаженный в своей автобиографии “Вечный мальчик” говорит о том, что не знает, “что такое стихи и как они пишутся. Знаю только – рифмованный разговор с Богом, детством, братом, родителями затянулся надолго, на жизнь”:

*Проснется мой Господь – и снова будет весел,
И бороду свою расчешет на ходу,
И спросит: – Где же тот, кто знает столько песен,
Кто знай себе дудит в дурацкую дуду?..*

“Неправда, что Господь изгнал меня из рая...”

А. Скоринкин обращается не к Богу, а к дубу в “Лесной молитве”: “*Помоги мне, дубок, дай энергии мне / Буду помнить тебя до последнего стога...*”.

У этого же поэта мы встречаем и довольно редкие сегодня жанры *эпитафии* (“Эпитафия” памяти Сергея Гомзы) и *оды*. “Оде к попочителю” А. Скоринкина присущи все классические черты этого жанра – торжественность, патетика, высокий ораторский стиль и ориентация на античные образцы:

*Тебе, любезный кардинал,
Дарю заоблачную песню!*

*Воздушный слог, волшебный звук...
Лети, возвышенная ода,
Ты заслужил, сердечный друг,
Почет и милость небосвода!
Сразив Мамона наповал,
Прекрасен ты и твой финал!*

Достаточно редки в современной русскоязычной поэзии Беларуси и такие лирические и лиро-эпические жанры как *баллада, поэма, стихотворение в прозе, романс*. Современный романс как “небольшое лирическое музыкально-поэтическое произведение для голоса с музыкальным сопровождением” можно встретить у А. Аврутина (романсы “Был обманчив июль...” и “Кричи иль не кричи...”). Хотя второе из названных произведений вряд ли имеет напевный характер. Также трудно назвать романсом размышления над экологическими проблемами и судьбой поэта А. Скоринкина в “Городском романсе” (который, кстати, в этом перекликается с грустно-ироничным “Городским романсом” белорусской поэтессы Л. Рублевской):

*Век двадцатый кончится вот-вот,
Можно подводить уже итоги.
Жизнь прошла, как пьяный пешеход
Возле загазованной дороги...*

*За окном моих одни гробы,
Много символического в этом...
Не уйти поэту от судьбы,
Как не стать счастливому поэтом...*

А Н. Чаклина-Горбачева считает, что “лучше старого романса / нам все равно не написать”, поэтому свое произведение называет лишь “Попыткой романса”: “Не получается романса – / Все настроение не то”.

Жанр *баллады* также утратил свои традиционные черты как лирическое или лиро-эпическое стихотворение особой формы на историческую или легендарную тему. Если “Балладу о безымянном конвоире” В. Чернявского (посвященную памяти А. Введенского, точная дата и обстоятельства смерти которого неизвестны) еще можно отнести к указанному жанру, то уж использование С. Бартоховой этого определения в названии своего произведения “Баллада о телефонном звонке” можно воспринимать только в ироничном ключе:

*Друзья дорогие, мешайте, звоните!
Спасите меня
Пожалейте меня!
Но трубка безмолвна...*

Но эта ирония горька в окружающей нас жестокой действительности: *“Мы так безутешно о мертвых тоскуем, / А надо б живых научиться спасать!”*.

Несмотря на то, что жанр *стихотворения в прозе* не очень распространен в современной литературе (да и не только в современной), он представлен у таких поэтов, как Г. Тисецкий и К. Кобальт прекрасными образцами. Этим произведениям присущи все характерные черты жанра: повышенная эмоциональность, бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания. Эти переживания у Г. Тисецкого вызывают, например, взмах, жест (“Оковы”), или разбитое зеркало, которое поэт оживляет в мужском роде: *“Он хотел не отражать, а проводить свет. Он хотел, чтобы свет был хоть немного настоящим. Он хотел, чтобы свет проходил в него, наполняя всю поверхность, а потом шел дальше, наполненный его чувствами и мыслями...Он молчал...”*.

В этом жанре часто используется техника “потока сознания”. С одной стороны, в абстрагированном “потоке сознания” – наибольшие возможности для полного самораскрытия и самоотдачи с ассоциативной емкостью мыслей и плотностью сжатой фразы, вбирающей целые миры. С другой стороны, “поток сознания” – это разговорно-речевая стремительность живого языка, языка социума с обилием просторечных норм, нарушающих литературность слога. Смысл поэтического слова, раскрепощенного и освобожденного от идеологической зависимости, проявляется здесь как совершенно иное качество поэзии конца XX ст., когда уже нет рабского служения в раскрытии заданных тем и в утверждении идейно-политических акцентов, а есть духовная общность поэта и читателя, объединенных пониманием непреходящих ценностей культуры. В стихотворении “О, божественный объем, заполняющий мысли...” Г. Тисецкий выстраивает следующий ассоциативный ряд: бумага (“бумага сохраняет тепло и чьи-то страхи вместе с попытками избавиться от них”) – песок (бумага собирает песок) – вода (мальчик топает по луже и “сыплет береговой песок в карман”) – песочные часы – стекло (“кто-нибудь когда-нибудь покажет его отражению отпечатки пальцев руки на стекле, сделанном из того самого песка, которым он так восхищался, из которого он построил образ Вселенной, связав каждую песчинку между собой...”) – “песок, собранный в скомканный лист бумаги...”.

Ксения Кобальт в стихотворении “В ожидании образов” выстраивает не просто смысловую ассоциативную цепочку, но даже цветовую: усевшие землю черные крылья бабочек – каменные белые маски – синевя реки – ядовито-желтая маслянистая ярость – черное молчание – гнев, проплывающий серыми пятнами, – и перед нашими глазами воочию предстает картина мрачных образов, в итоге – “черный цвет густел, он наливался кобальтом, а потом молча упал с высоты и поглотил собою всю бурю чувств”, и неожиданный вывод – “система пришла в равно-

весие". Какой-то образ вызывает раздумья и приводит к философским обобщениям. Лирический герой К. Кобальт, сконцентрировавший свой взгляд на бликах и текущей в никуда воде, размышляет о своем и чужом "я", о том, как трудно сегодня потерять себя. И приходит к выводу – нужно носить с собой визитку, "чтобы иногда произносить в тишине свое имя, чтобы в один день не стать журчанием воды...". Иногда желание выразить какую-то мысль приводит у К. Кобальт к авангардному стихотворению из одной буквы "г", одного слова "нда" и многоточий ("Попытка охватить и выразить неясную мысль"). И смысл находится не в самих строчках, которых, собственно, и нет, а между ними. Здесь уместается все – и радость, и удивление, и размышление, и сомнение, и заключительное "нда" – разводя руками – простите, не удалось. Главное для этого жанра не сказанное, а почувствованное. Отсюда, видимо, и обилие многоточий – это любимый знак препинания у Г. Тисецкого и у К. Кобальт, передающий эмоциональную насыщенность размышлений поэтов.

Менее эмоциональны, но не менее философичны современные русскоязычные поэты в таком уже традиционном для белорусской литературы жанре, как *сонет*. Например, "Сонет" А. Бородача написан на тему любви, имеет форму английского сонета (4+4+4+2) и развивается по традиционной схеме: тезис ("исход борьбы был предопределен" в любовном треугольнике "я", "ты", "он") – развитие мысли ("я рядом был, он прибыл издалека") – кульминация ("ушла любовь на тряпки и посулы") – синтез ("А не случись подобная измена / И не пришла б Прекрасная Елена"). Здесь уже чувствуется дыхание современности – тотальная ирония проникает даже в классические твердые формы стиха. В таком же ключе написан и "Сонет" Т. Лебедевой (на мечтательный лад лирического героя наводит уныло капающая вода из крапа).

Более традиционны поэты при создании *венков сонетов*. Как известно, венок сонетов состоит из пятнадцати связанных сонетов, последний 15-й – магистральный, т.е. основной: каждая его строка представляет собой первую строку всех предшествующих ему 14-ти сонетов. Именно такую форму имеют венки сонетов А. Тереховой "Джоконда в Копенгагене", "Коромысельщик" и "Мёбиусный венок сонетов", состоящий из лицевого и обратного магистрала, "Уроборок" Г. Артханова. Глеб Артханов, используя классическую форму сонета, все же достаточно авангарден и в рифмах, и в философской насыщенности (можно даже сказать сгущенности) своих стихотворений. Другие твердые формы стиха в современной русскоязычной поэзии встречаются редко.

Также немногочисленны (по сравнению с традиционными жанрами) экспериментальные стихотворения – оригинальные стихи, для которых характерны нетрадиционные способы рифмовки, построения строф и т.п. Пример *терцета* мы находим в поэзии Дмитрия Строчева:

*тихой глиной накормлю
потому что сам люблю
солнце-бубен*

*слышу-слышу, под травой
бьется сердце головой
в пепел голубой*

*поскорее выходи
пахнет хлебом из груди
косточка поет*

Пример *тавтограммы* – у А. Аврутина:

*Прозрачный призрак принес прозренье,
Под простынею письмо пронес.
Падет позорное подозренье –
Письмо положено под поднос [6].*

В современной поэзии также редко встречается *акростих*, каких-либо серьезных и значимых произведений в этом жанре создано не было. Несмотря на то, что акростих воспринимается как литературное трюкачество и игра, он всегда притягивает к себе поэтов, не равнодушных к экспериментам, – своей визуальностью и изощренной техникой письма, как, например, В. Макутя в акростихе “Иначе никак”, где первые буквы всех строк образуют название стихотворения.

Нестандартное мышление приводит современных поэтов к созданию авторских жанровых модификаций, каковыми являются, например, “*P.S. словицы*” Дмитрия Дмитриева: “*Прозябание собой / Называют Судьбой*”, “*Семь шкур спусти, / Один раз прости*”, “*Встречают без одежды / Провожают по еловой дорожке*”; или “*Миниатюры*” С. Жуковского (“*...правду в глаза говоря, / право, / стараешься зря, / ибо глазам все равно / слышать тебя / не дано...*”), для которых характерна скрытая или явная ирония.

Заключение

Современные русскоязычные поэты Беларуси, используя традиционные жанровые формы, наполняют их новым содержанием, иногда преобразуют формально. Для молодых поэтов характерны поиски самоидентификации в пространстве уже “после постмодернизма” (А. Занковец, Д. Лецко, М. Куновская, Д. Дмитриев, К. Михеев и др.). Их эксперименты в области стихотворчества, а также многочисленные вариации свободного стиха (верлибра), представленные также в поэзии Д. Строчева, Л. Динерштейна, Т. Скарынкиной, З. Атаоллахи, А. Сарапкина, позволяют дополнить жанровую картину современной русскоязычной поэзии Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Томашевский, Б. В.** Краткий курс поэтики / Б. В. Томашевский. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 192 с.
2. **Рагойша, В. П.** Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – 2-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск: Выш. шк., 1987. – 414 с.

3. Современная русская поэзия Беларуси: антология / сост. А.Ю. Аврутин. – Минск: УП “Технопринт”, 2003. – 200 с.
4. Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России / сост. Д. Кузьмин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 996 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК “Интелвак”, 2003. – 1600 стб.
6. **Аврутин, А.Ю.** Наедине с молчанием: книга поэзии / А.Ю. Аврутин. – Минск: Маст.літ., 2007. – 303 с.